

Владимир Псарев

ОКЕАН МЕЧТЫ

18+

Владимир Евгеньевич Псарев

Океан мечты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63406727

SelfPub; 2021

Аннотация

Что сделал ты, чтобы переплыть океан, который простирается между тобой и мечтой?

Владимир Псарев

Океан мечты

Илья сидел на металлических стульях в зоне ожидания аэропорта и переминал руками посадочный талон. Регистрация уже была пройдена – дальше только ожидание. Ожидание другой жизни. Позади он чувствовал такую большую и сложную жизнь, которую хотелось забыть совсем. Никогда не вспоминать. Но существовали тоненькие ниточки, которые его возвращали в прошлое.

Илья вспомнил, как он жил один на хуторе в Тверской области. Десять километров направо – одна деревня. Пятнадцать налево – другая. А он – один. Выходил покурить с утра, трезвился. Что у нас за страна такая, что "заставляет" пить? Заставляет подменять реальность. Этот вопрос Илья задавал всем, но ответа не получал. "Хочу высказаться просто, уж не обидьтесь", – твердил он, уже взрослый, двадцатилетним парням. Никто и не обижался, но никто и не слушал.

Легкие перекуры сменялись попойками с соседом. Илья ходил к бывшему офицеру, воевавшему в Чечне. Иногда выпивал с ним, слушал. Однажды Илье довелось зарезать барашка. Безобидного такого барашка, которого и обругать словом стыдно. А тут он взял кривой нож и полоснул по горлу. Страсть да и только, но все-таки такая же реальная жизнь. Но не для него. Вот и отложилось.

– Да ты не переживай, дружище, – твердил вояка, – он жил, чтобы умереть ради нас. Вот знаешь, как у нас было?

– Нет, не знаю.

– Я когда служил, так у нас и живых людей за живых людей никто не считал. Я помню, как громко бьет полковая артиллерия. Огромные калибры. Земля дрожит, кажется, за десятков километров. Мы стояли в Моздоке – это соседняя Ингушетия.

Мужчина пил водку, как воду, не дожидаясь очереди. Даже не спрашивал – сам наливал и сам пил. Прямо скажем – что-то заливал. Правда заливать так долго непростительно, но говорить под руку было нельзя.

– Били и били, били и били. Так отчаянно, словно больше ничего и не нужно. Нам говорили, что готовится что-то большое. Сейчас мы это называем «новогодним штурмом Грозного», а тогда мы ничего не знали.

Илья молчал, грея в руке стопку. Опынение подходило к той стадии, когда начинаешь «залипать». В голове всплывала морда барашка, и отбросить ее не получалось.

– Сунжа, – продолжал собеседник, – небольшая такая речушка. Ну, по меркам нашей России. С правого берега на левый, то есть в центр города, перебрасывали части. Были у нас те, кто в руках и автомата ни разу до Чечни не держал. Были и более опытные, но они тоже боялись. Сначала бросали тех, кто стрелять умел. И вот понимаешь, дружок, на мосту через эту речушку чеченцы уничтожили всю колонну. Две

роты! – хлопнул по столу. – С техникой, понимаешь ли, со всем на свете. Кровавое месиво. Мы ничего не знали, сидели в штабе в Моздоке. Я-то офицер, хоть и милиции, но тем не менее. Все наблюдал. Старшие офицеры отправили в бой необстрелянных юнцов. Они и стреляли-то всего один раз – их не отправляли на стрельбы, им не разрешали практиковаться самим хотя бы в простом владении самим оружием. А тут их отправили следом за бывалыми, которых уже превратили в оливье. И почти никто из них не вернулся. Долго морочились, договаривались, в итоге нам разрешили забрать убитых. По мосту было уже совершенно не проехать из-за тонн обгоревшего металла. Знаешь, Илюха, я помню, как мы стояли на противоположном берегу Сунжи – в створе, как это называли всякие там генералы, моста, а на обратной стороне стояли чеченцы. Стреляли просто в воздух, пока мы собирали тех, кто даже не дошел до другого берега. Сотни тел. Грузили прямо в кузова КамАЗов. Веришь или нет, но это самый страшный момент в моей жизни. Под страхом казни я бы не решился пережить это еще раз. Люди горели факелами в танках, а в Моздоке офицеры праздновали новый одна тысяча девятьсот девяносто пятый год, – это число он произнес с расстановкой, чуть ли не по слогам, – и вот тут я понял одну вещь в этом мире. Страшно, когда убогий счастливее тебя здорового и красивого. А сколько красивых, молодых и умных легло там? Никто никогда всерьез не считал. Десять тысяч? – он рассмеялся. – Нет! Может быть, столько погибло

при штурме Грозного, но не за полтора года!

Красоты в этом бывшем офицере осталось немного – сказались годы курения и обильных возлияний. Но доверие он внушал. Илья слушал заворуженно, а потом, по своему обычаю, благодарил.

– Умерли все, кого я любил.

– Но бог не виновен?

– У него алиби.

– А хорошие люди есть?

– Конечно, есть, но хорошие от плохих отличаются только лишь тем, что делают добро для себя, лицемеря в глаза другим. В общем-то всё. На сотню попадетсЯ один блаженный, и окажется затоптан. Не согласен?

– Как видите, я с вами даже не спорю.

– Правильно, – усмехнулся офицер, – хо-ро-ши-е. Я бы хотел смерть их опередить хотя бы из чувства эстетики. Плохие честнее.

– Почему?

– Они безнадежны. Хочется стать немым, чтобы тайком кричать от боли.

– Но вас тут и так никто не слышит, – исподлобья смотрел Илья.

– Со всей этой грязью уже не справляется лимфа.

А вот совсем недавно у Ильи умер другой сосед. Бессмысленно так умер – перепил за свою жизнь. Да и прожил он жизнь совершенно бессмысленно. Так, пару раз куда-то съез-

дил. А в остальном? А в остальном ничего. Сын неизвестно где, про дочь лучше промолчать. Жена спит на плече у другого. И нельзя сказать, что он всегда был таким плохим. Таким он стал.

Раскаяние к Илье приходило постепенно, но не через свою боль. Он никогда не верил, но дурака учит только она. Видимо поэтому ждал пинков посильнее. Сарказм друзей был постоянным, но большинство из них продырявлено червями.

– За тебя прокладывать путь в звезды никто не станет, – говорили ему.

– Я и не прошу, – отвечал Илья.

– Но ты ведешь себя именно так. Нет?

– Вам все равно виднее. Спорить я не буду.

До вылета еще целых два часа! "Два, дружок!" То есть до начала посадки минимум час, а лучше рассчитывать на полтора. Он засыпал, прикрываясь капюшоном. Холодно? Нет, нужна была граница.

– Зачем ты делаешь лицо, словно тебе сыпят в пиво соль? Зачем?

– Это как? – переспрашивал Илья.

Собеседник морщился, плевался.

– Не показывай.

В памяти всплывали пьяные лица. Шатались и ругались. А Илье казалось, что он сопротивляется. Он не хотел их видеть, но картинки так навязчивы. Невыносимо.

– Не хочу! – кричал.

Лица не исчезали, только лезли еще больше, как родители к подростку. Отвращение и уничтожающая все любовь. Любовь под алкоголем и наркотиками. Это вообще любовь? А если не было ничего, кроме этого?

Илье вспомнилось, как они с Леней и Ваней закрывались в гараже и курили «камень» через запасной воздушный фильтр двигателя автомобиля, который запитывали от его же «прикуривателя». Глупая идея, но чтобы смириться с жестокостью окружающего миру нужно было делать хоть что-то. Картинка плавала, вроде бы смешно. Нет? Прошрое растворялось, а будущее ускорялось настолько, что конец жизни, который раньше казался очень близким – только выпей таблеток с коньяком – вдруг исчезал. Либо он уже здесь, либо смерти не существует. Есть лишь музыка и танцы. Танцы под техно до утра. Одна и та же песня? Неважно. Шесть часов танцев.

Илья вспомнил как после одного из таких «трипов», буквально через пару дней, он узнал, что его брат по несчастью умер. Остановилось сердце. Естественно, это дело отметили в лучших традициях тех, кто выбирает быструю жизнь путем медленного суицида. Ад продолжался целых пять лет. Именно отвращение от всего привело его на тот хутор и к тому офицеру. Лишь полная изоляция дала возможность жестоко себя перезагрузить.

– У нас было... Как там в «Страхе и отвращении...»? Вот,

у нас было все. Девчонка такая приятная, знаешь, дочь депутата, и по уши в этом во всем. Просто классика. Красивая квартира в центре Твери. Я приезжал к ней, привозил.

– А потом что? – переспрашивал чеченский.

– А потом она на машине разбилась.

– У тебя есть хорошие истории?

– А у тебя?

– Нет.

– И за что они нас так не любят?

– Кто не любит?

Время от времени изоляцию приходилось прерывать и выходить к человеческому обществу в центр села. Там был магазин, и бегали то ли бездомные, то ли просто отвязавшиеся собаки – не отличить. Ну как магазин – магазинчик, сельпо. Покупал самый минимум, сэкономил деньги. Да и много ли надо? Со временем привыкаешь не только к роскоши, но и к аскезе. Вырвавшись из мира, где взрослые устали, а подростки наивно считают, что времени много, и дано оно им для разного рода приключений, сменив бетонные коробки на брус, начинаешь что-то да понимать. Умиротворяешься. Выбегаешь в пшеничное поле, по-есенински, хоть может никогда его и не читал, и просто кричишь.

В село приводил не только голод, но и разного рода «шабашки». Там бабушке дров наколоть, здесь воды поносить. Брал символические копейки – в такой провинции денег не было. То есть совсем, как бы смешно это ни выглядело.

– Любой город лишь саркофаг, если ты уже мертв внутри, – твердили Илье. – Не беги. Не сможешь никогда.

Но место, где он сознательно оказался, давало ему сил и надежду. Надежду, что мир можно исправить. Свой мир. В таком капкане уже не до глобальных проблем. Личное будущее вытесняет будущее хоть какого-то коллектива. Такова человеческая психология. Но в итоге именно здоровый коллектив возвращает на место.

Был уже конец августа. По утрам слегка холодало, но Илья все равно ушел в магазин за продуктами в одной футболке и шортах. Ежился, спотыкался, курил, на ходу затаптывая «бычки». Даже быстрым шагом здесь больше часа, а он не торопился. Солнце давно встало, но еще красиво освещало пшеничное поле слева, которое вот-вот должны были убрать. Золото переливалось, свивалось в интересные узоры на ветру. Жалко, если в следующий раз уже не получится увидеть.

Старое потемневшее дерево сельских домов, «луковка» часовни, горевшая как лампа над столом с книгами, и собаки. Любовь к ним была у Ильи вечна. Казалось, он знает, как называются эти существа на всех языках.

– Уставшие и никому не нужные. Как мы с тобой, правда?

– Правда, братишка, – говорил, едва отрывая опухшее лицо от стола, старый друг.

– Весь день мечтаем, как затушим сигарету дома в пепельнице.

А теперь Илья брел один и вспоминал. Нет того друга. Нет

прошлой жизни уже – она где-то за полями и селами. Там общество переваривает каждый день людей, словно желудок кита, поглощающий тонны планктона. В маленьких селах все друг друга знают. И если вы не любите, чтобы вас узнавали на каждой улице, словно вы «селеба», не переезжайте за город. Никогда. Растворяйтесь. Здесь все очень живое и реальное. Даже птицы не раздражают, как чайки на «Парнасе» в Питере. Илье рассказывали – спать не дают. Люди так устали, что их крик просто раздражает. А тут – часть пейзажа. Зимой их ждут. С птицами в деревню возвращается жизнь.

Деревни в России не немецкие – палисадники вдоль всей улицы в одну идеально ровную линию не выстроены. По ним время суток не определишь, как шутили местные. Зато есть свой колорит. Неповторимый, родной. И воздух. Даже в Твери он не такой, хоть и небольшой город. Но Советская власть, стараясь обеспечить всех рабочими местами, неаккуратно посадила экологию по всей стране. Воздух пьянит – его глотать нельзя. Медленно вдыхаешь, расправляешь плечи. Вокруг ничего кроме полей, через которые никому не пробраться. И старенькие дома, дома, дома.

Сельпо после церкви было, наверное, единственным кирпичным зданием во всей округе. На крыльце топталась молодая девушка в джинсах и фиолетовой толстовке. Совсем молодая девушка. Стояла и смотрела в телефон – в помещении интернет уже вообще не ловил. Илья приоткрыл дверь: – Прошу.

Девушка посмотрела на него, как на что-то инородное. До неприличия просто одетый даже для села, худой, щеки ввали, под глазами синяки. Они не проходили, хотя Илья не употреблял и пил редко уже несколько месяцев подряд. Просто тонкая кожа, которая оголяла все проблемы с сосудами. Илья повторил свою просьбу. Девушка прошла, не оборачиваясь. Илья ухмыльнулся и перешагнул гнилой порог. Оббитая металлом дверь громко хлопнула за спиной.

Девушка попросила килограмм сахара и полкилограмма колбасы.

– Для бабушки, – уточнила она.

Илья переминался с ноги на ногу, покашливая. От сигарет в трахее скопилась мокрота и постоянно скоблила, жадно отплевываться он не любил – некультурно. Такой вот элемент культуры посреди совершенно пошлого образа жизни и обшарпанных «панелек».

– Для меня интеллигентная Россия – это люди страдающие, – говорил когда-то Илья.

Девушка обернулась на выходе. Каштановые волосы неаккуратно легли на левое плечо:

– Вы мне?

– Да, я спросил, сколько тебе... Эм, вам, лет.

– Восемнадцать.

Девушка продолжила свое шествие. Илья не стал ничего покупать, а лишь кинулся за ней. Скифы тысячу лет назад не могли подумать, что они могут породить через много по-

колений такую красавицу с такими глубокими глазами. Девушка отдалялась и будто бы ничего не хотела слышать. Илья продолжал звать. Запинался, разбрасывая ногами дорожную пыль.

Буквально через два дня они лежали с этой девушкой на стоге сена глубоко в полях, болтали обо всем и этот момент даже и не вспоминали. Оказалось, что ее зовут Катей.

– Я вообще часто к бабушке сюда приезжаю отдохнуть. Вроде бы и не работаю, а отдохнуть хочется. Бывает раз в год, бывает два раза. Но приезжаю основательно, не на два дня. На неделю или две. Общаюсь с местными. Тут другая действительность, здесь мне все понятно, хоть я и родилась в Петербурге.

– А кто твои родители?

– Папа сейчас в аэропорту работает на досмотре. Ну, знаешь, где проходят окончательную регистрацию, осматривают все вещи.

– Я никогда не летал, – признался Илья.

– Полетаешь еще, – девушка прижималась к его груди, гладила рукой по животу, задирая футболку.

– Откуда ты знаешь?

– Тебе сколько лет сейчас?

– Двадцать девять уже.

Девушка даже привстала. Странно, почему она до этого не задала такой вопрос. Три самых простых вопроса для взаимопонимания – Родина, возраст и работа или учеба. Но

сколько Илье лет она даже и не спросила, а выглядел он достаточно молодо.

– Seriously?

– Вполне, – смущенно отвечал Илья.

– Я бы дала двадцать два, – отвечала Катя, снова прижимаясь к груди. – Ты так молодо выглядишь.

Илья ничего не хотел говорить. Всплыли картинки того, чем он занимался между двадцатью двумя и двадцатью девятью годами. Ничем хорошим. Потерянные годы, как он сам думал. И лишь хороший друг сказал ему, что эти годы не потеряны – они принадлежат опыту.

Человека нельзя остановить, пока он сам того не захочет. Пей, дерись, гуляй – только не мешай тем, кто в данный момент хочет развиваться или просто жить спокойно. Твое время придет. А не придет, так дурака не жалко.

– Я долго думал о том, куда потратил все годы жизни. Я просто жил, а сейчас кажется, что этого мало.

– Ты встретил меня, – шептала Катя, не желая отягощать его ненужными мыслями.

– Может быть.

– Да точно тебе говорю.

Именно Катя пригласила Илью из Твери в Петербург. Попробовать начать что-то другое, что-то перспективное. Она полюбила его, хоть и часто истерила по поводу и без. Знаете, то разговоры с другом заведет неинтересные, то соберется выпить с соседом. Ну и что, что в Чечне воевал? Какое

ей дело? По-женски Екатерина начала «обнимать» Илью со всех сторон, а он был и не против. Переболел гордостью, переболел страстью, да и здоровье уже совсем не то, что было раньше – ты не можешь вечно получать дешевое удовольствие от жизни.

– Что ты сам сделал, чтобы переплыть свой океан на пути к мечте?

– Океан мечты? – переспрашивал Илья.

– Называй это так. Хм, «Океан мечты». А это звучит. Вот бы кто стих такой сочинил или рассказ написал. «Океан мечты».

– Наверное, ничего, – скромно признавался парень. – Жил, болел, думал.

Катя положила его руку на свою правую грудь.

– Вот твой берег, отдышись.

В аэропортах никогда не объявляют о прибытии самолета, который тебя увезет. Лишь о готовности. Хотя в действительности все самолеты между перелетами на земле проводят не больше часа. Илья ждал, пока не объявили. Голос звучал туманно. Его он почти не слышал – лишь набор звуков.

– Мир манил меня на улицы. Мир был огромным. А сейчас сузился до сигареты и тебя. Ну, может еще старый двор вспоминаю, но Тверь не так прекрасна, как в восемь лет.

– Мне говорили много слов, – Катя смотрела вдоль груди вдаль. – Но сильнее всех тронул именно ты. Ты настоящий. Не идеальный, но и не прячешься.

Илья лишь тяжело вздыхал – ему было, что прятать, но лишь из страха потерять то, что дает ему надежду.

– Я бежал на улицу, и мне нечем гордиться. Тогда казалось жить проще, пока есть, чем затуманить разум. Мне нечем гордиться. И что свято Папе Римскому, мне даже неизвестно. Я не свят.

– Я знаю, – шептала Катя.

– В Тверь, что и десять лет назад, все те же мосты. Все так же сбрасывают через перила в воду "залетных". Если Псков – это отстойник Петербурга, то Тверь большая психбольница за городом. Теплица, где выращивают больных и уставших. Потом они штурмуют огромный город. Стою ли я того?

– Стоишь, Илья. Ты стоишь. Свой океан мечты ты точно переплыл.

Что-то звонило сквозь сон. Илья глаз не открывал. Аэропорт Пскова маленький, советский. Реконструкцией никто не занимался. Точно такой же до недавнего времени стоял даже в далеком от Твери Хабаровске – Советский Союз. Два слова, которые могут объяснить в России почти все.

Сон был сладок, он накрывал с головой, почти пьянил. Перед глазами вставал образ Кати, вставали образа матери и отца, но они не приносили такого удовольствия – человек живет будущим, а не прошлым. Илья не забыл родителей, но это место в сердце не болело. Может уже переболело. А может лишь сидело пулей под сердцем. Ныло и ныло, но сердце ждало, когда его пробьют девять грамм чистой любви и

вдохновения, как раненого солдата, ждущего смерти. Илья ждал жизни. Той самой, о которой поют и пишут, а не которую прячут за тонной алкоголя и веществ.

Адреналин течет по запястьям, но он не бодрит. Иногда болит сердце. Не любовью или ненавистью, а физически. Просто болит, режет. Режет от нижней челюсти до желудка. Кате об этом говорить нельзя. Раньше люди в форме цвета серого лица одного из друзей подсказывали, что увозили. А теперь? Теперь даже пить не хочется.

Звонок прозвенел. Илья открывал глаза. Все прошлое стало просто не вовремя прочитанной книгой. А как забрать все свои слова назад? Рука по-прежнему сжимала билет до Санкт-Петербурга. Короткий перелет – лишь переход по песчаному берегу океана мечты. Катя, Катюша. Кто тебя дал? Никто не даст ответа.

Илью учили, что ничего нет дороже зависти. Все звонят и спорят, но всем плевать. А тебя движет собственная жажда той жизни, которую когда-то видел. Если не видел хорошего, то сопьешься. А Илья тянулся, пинался, отталкивал оставшихся в живых друзей.

Открыв глаза, Илья понял, что самолет уже успел вылететь. Несколько минут он ходил вокруг металлических сидений и глазел то на свой билет, не решаясь подойти к стойкам регистрации, то на отражения в темных стеклах. Видел себя, и хотелось вызвать рвоту.

– Я сам себя не короновал, как Наполеон Бонапарт, – шеп-

тал Илья про себя.

Ночь густая, и этот воздух по-прежнему глотать нельзя. В нем только боль. Больше ничего. Мир становился все более отвратителен с каждой минутой. Ничего не ясно. Можно ли улететь? Что делать с билетом? Катя спит где-то на Петроге.

На последнем сидении в дальнем ряду сидела девушка. Она спала. Илья стеснялся, но разбудил ее:

– Девушка, девушка. Пожалуйста, проснитесь.

Илья объяснил ей свою проблему, а та, сквозь сон, объяснила, как обменять билет. Парень стоял и просто озирался вокруг. Цифровые табло, ламинированный пол, древний Псков. Не сон? Нет, не сон. Но и на реальность мало похоже.

Подойдя к стойке регистрации своей авиакомпании, Илья судорожно протянул свой билет.

– Можно ли как-то обменять? Могу доплатить. Но мне точно надо улететь, меня ждут.

Девушка с белым воротником из-под пилотки посмотрела на него. Пощелкала.

– Знаете, да, можно. Но даже не хочу вас расстраивать. Борт, на который вы опоздали, не выходит сейчас на связь. Мы не знаем, что с ним.

– Обменяйте билет на самый ближайший до Питера, я тут подожду.

Девушка перебила время и выдала новый посадочный Илье. Он медленно отошел от стойки, читая написанное на куске перфорированной бумаги. Топтался из стороны в сто-

рону, коротал время. А что коротать, когда до вылета еще семь часов? И кушать хочется. Подошел снова к стойке – сколько прошло минут он не знал.

– А что там со старым моим рейсом? Ну, на который я опоздал? Вы говорили, что на связь он не выходит.

Девушка замешкалась, попросила минуту. После короткого звонка она жестом попросила Илью наклониться к ней.

– Он разбился через девять минут после взлета. Подробности я не знаю. У вас там не было близких?

– Нет, – сухо ответил Илья, оседаая спиной вдоль пластика стойки.

– Только не поднимайте панику, я вас прошу.

Закрыв глаза. Перед ними последние пять лет жизни, словно тонны воды. Что-то бесконечное. Люди, разговоры, события. И горящий самолет. Счастливый случай, который позволил ему ступить на твердый берег. Всех вдруг стало жалко. Десятки тех, кого он знал лично, и пара сотен, кто сейчас погиб при крушении. По новостям еще ничего не сказали, а он тут уже и все знает.